

128 ФЕВ. 38

Листок №

Москва

На родине Феклуши

1090

Каждая вечерка была театральным городом. Вот свободная, мало кому известная деревня. «Каждая имела замечательный театр тогда еще, когда губернский театр, в то время спектакли, в России было очень мало», — вспоминал один из русских театралов конца XVIII и начала XIX века. Но этот замечательный театр был крепостным. Вот казанскому губернатору в течение десяти лет «восхищаясь и даже «сходясь к уму» замечательная актриса — «казанская актриса Феклуша» — Фекла Анискина, собственностью помещика Истомы — «первая тайная во всем известном акробите». Сам Дмитриевский, прошедший с ней несколько ролей, очень хвалил ее и называл «мой ретивый дьявол».

Почти была судьба Феклуши. Такого выезда замуж, она оказалась в Москву, чтобы дебютировать на столичной сцене. Встречившаяся влюбленно-материнско — дядей полевой вдовой, она как-то сидела среди холмогорской замкнутости «возможности» своих партнеров, в холмогорском репертуаре, а в других казанской компании, в так и не пошла она себе в холмогорский стили своего простого и непосредственного таланта. Она куда-то уехала и провалилась в вскоре умерла, одна из предшественниц цыганской школы. Так и материалю безвременно на страницах истории русского театра, как и много других русских самородков, его замечательное дарование.

Сотни талантливых актеров и художников на зареда вранку и совершаются сейчас в советской Татарии — на родине Феклуши.

Татарский государственный академический театр, существующий сейчас в Казани, в своем репертуаре имеет не только впечатляющие бытовые драмы («Гуляе Валу», «Шамшадлар», «Гамзи-бег»), но и эпический классический эпос и мировое репертуаре — «Дон-Кихот» и «Борьба» Шиллера в «Дюкское место» Островского. Важнейшим событием в жизни татар-

ского национального театра является рассмотрение его премьеры — «Жизнь Фигаро» Бомарше.

Режиссер В. Г. Фрид, ставившего «Жизнь Фигаро», интерпретировал главным образом решение чисто стилизованных и «театральных» задач, поиска комедийной, игровой формы спектакля. При этом режиссер обделяет содержание своего спектакля и ослабляет внутреннюю динамику его, недостаточно акцентуируя социальные мотивы блестящей обиходной комедии Бомарше. Не подчеркивая режиссер и значения знаменитого монолога Фигаро, позволяющего, так сказать, «взглянуть» этот комедия.

В исполнении большинства задействованных лиц чувствуется некоторая стилистическая неопределенность в работе, но то, что дает для основных персонажей спектакля — Сивина и Фигаро, свидетельствует о том, что театр здесь немало для овладения стилистическим стилем Бомарше.

И Фигаро (Салатов) с его живыми, умными глазами, и очаровательная супруги-матас Сивина (Ильяска) с ее сверкающим светом, с блестящим подлинным талантом, эти молодые татарские актеры играют действительно в стили» французского комедийного театра. Они заражают нас своей необычайной полнотой, легкостью, свежестью молодой живительности, открытостью и непосредственностью темперамента.

Когда встречались после спектакля с авторами этого замечательного молодежного актерами, чуждыми малейшей позы, характерной для актерского ремесла, чуждыми своим много «большой» театральной судьбы, подтверждали уверенность в судьбе этого театра.

Но не надо забывать, что молодой татарский театр нуждается в большой организационной и творческой помощи и со стороны местного Управления по делам искусств и со стороны более опытных товарищей на русском театре. Необходима работа, которая чувствуется между эти на двумя театральными коллективами во многом, взаимно-талантливым, но мало можно скорее развиваться, жить.

Об этой дружеской помощи и творческой солидарности со стороны старших товарищей мы вспоминали и тогда, когда присутствовали на спектакле в другом молодом казанском театре — в Театре имени Фридриха, играющим театру боольшую роль в жизни школьного поколения Казани. В том постановке, где театр играет «с хорошим театральным артистическим залом (правда, в отрыве от спектакля) — театр только «голы», а ему удается лишь 10 дней в месяц для спектаклей и репетиций. Театральное поколение почему-то прилагает Дону учителя, и воплотить эту постановку по принадлежности до сих пор еще не увеличился успех. Конечно, прямое дело местного Управления по делам искусств расширить, наконец, этот вопрос, если Управление считает ТЮЗ действительно нужной для боольшого театрального народа организации.

2.

Один из лучших театров Казани — Волжский драматический, художественный руководитель которого является А. Грешев. Сейчас он готовит постановку «Отягощен». Присоединив академичеки оставляет спектакль этого театра («Профессор Полежаев» (постановка артиста Г. Арзавара). В центре этого спектакля — актер Ф. В. Григорьев (Полежаев) и его партнерша Писокова-Явская (жена профессора). Сиделово бы подробно остановиться на замечательном мастерстве Григорьева, играющего с колоссальной внутренней эмоциональной выразительностью и необычайно мягко, тепло, — на тонких нюансах «человечности», на ослепительных деталях — крайне сдержанно, без всякой сентиментальности и без всякого романтизма. Все потрясения, огорчения и радости своего героя он передает приемами контрастов между глубинными переживаниями и внешней сдержанностью и замкнутостью Полежаева, достигая этим истинного психологического эффекта. Так решается основная задача актера — раскрытие образа Полежаева, его высокой человечности, дальнейшей выходящей изряд отарого профессора и революция. И далеко не малюпю такое открытие, выходящее в замечательное исполнение, согретое над-

линии чуждой художественной правды и большим оптическим обманам — свойством восточного театра.

Свою работу провал театр назвал новой ностальгиею — «Последней жертвой» Островского (режиссер В. Великанов). В спектакле нет еще необходимой строгости в гармоничности, но выдвигает еще подлинным стиль Островского, далеко не всегда звучит слово Островского во всем его очаровании и выразительности. Однако при всех этих серьезных недостатках, благодаря мастерству актеров получили спектакль значительно более интересный, чем, например, спектакль Островского, который мы видели недавно в театре им. Навоиного. Очень приятно, красиво оформил спектакль художник Николай В. Он счастливо чувствует себя режиссерская вынужденная. Нельзя сказать, однако, чтобы линия режиссуры всегда была правильной, и, может быть, именно этим объясняется неудача некоторых образов. Прежде всего не очень ясно самым замкнутым постановкам. Не всегда оля из основных тем Островского — власть денег, трагедия людей-вещей покупалами и продаваемыми в этом мире торгашеских «бульдогов», как образно выражается один из персонажей пьесы.

Роль Прибыткова, например, куда новой «революционной»: формация — он срывает в Василькову и Куркову — сыграл актером Любовым в мизансцене добродушного «благородного отца». Только в первом акте театром достаточно оригинально раскрыта откровенная программа действия кисти, пришедшего брат на обозреть. Илья В дальнейшем Фрол Федучик Прибытков предстает перед зрителем как бездельник и истинно порочный добрый человек, «напитанный Плюсом». Но именно эта «напитанность» Дюроного стон она может быть, Прибытков все же и победил Илью по-настоящему не по тому же расчет в его браке играть не по своему роль, и Илья, — истинная жертва этого «праведного брата». Психологически здесь сложная, — в телесности и «бездельности». Самый текст Островского Ильям подает хорошо магистр, сдержанно и выразительно, быть может, однако, не слишком, кстати.

Режиссер, но женщина подлинной природы Прибыткова, постаралась «отыграть» на двух «Милте-Кристе» — Ларе Мир-

виче и Дульчине, вставая и актеров играть в соответствующем жанре. Этот план в Ларе Мирвиче — внешне пародировать: артист Поточник выдает глупую парикютуру, парированную и отталкивающую маску вместо образа самоскоренного мизантра Вилосифилла. Дульчина, этого театрального «любимчика», крайнее неустойчивого и до невероятности восточного человека (в нем нечто от Шекспировичи), режиссер переводит в класс реверсира и античного натуралиста типа Кречинского. Последний эпизод заканчивается основой волевыми выстрелом: Дульчине убегают на сцену страдать, действительно является огулающийся театр, но неожиданно Дульчине высказывает пел и версари, в цилиндре набаврен, тотонки и ладонным подвигам. Жив Куриски!

Артистка Милова играет Данию с большим тактом, магистр. У артистки приятный голос, легкая застенчивость в речи, подлинно. Хорошо передала опечаленная сцена мотыльковой прощания Илья со своей любовью, — она гладит подушку, на которой посылалась голова любимого человека. Но это все же не тот Илья любовь, о котором говорит Островский, не страсть, вставляющая все прочее.

Мало удалось актрисе мисс, требующие сильного, подлинного драматизма. Вот, между прочим, почему в артистическом зале вымывает смех известное место в роли, когда ставленная любовником Илья говорит о лезвиях в документах. Хороша любовь, если она в такую минуту думает о лезвиях! Но в здесь случается во всей силе великая и сложная правда человеческого реализма Островского: да, Илья — купеческий влюблен. Она разделяет эти убеждения своего влюбленного и впадает в него опущенные способности мирового порядка, поклоняются на власти денег. Она «любит» жизнь. Мысль о лезвиях, пришедшая, когда любовник утерян, — это ощущение того, что, разочарованная, она влето в этом странном «бульдогом» мире, влето в и в то что она не купила, что она — «допущенная существо». Мысль о лезвиях — это последняя сторожевая попытка уцепиться за жизнь — в это уже не смешно, а трагично.

В исполнении роли Илья в классической сцене хотелось бы видеть большую психологическую сложность, жесткость и ма-

стерство рисунка, ту алуурность переходов, те точнейшие выразки, которые задала русскому театру замечательная исполнительница этой роли Савина.

Именно эти качества в большой степени мы находим в исполнении артиста Якушевского (Дергачев): его эпизодическая роль благодаря этому становится очень заметной в спектакле. В жалком комическом персонаже артист сумел с большой силой, однако без какой-либо назойливости, выдуть черты социальной драмы и не мог оставить зрителя равнодушным от этого «маленького человека» на сцене неудачника в галерее Островского Николаю нажимаю; все заметный жест, все выдвигает движение глаз, замечательная мягкость и выдержка внешнего комизма, — это так по-настоящему «доходит», так смешно и вместе с тем грустно. Сыграл бы кто-нибудь так Архипу или Пилгу на входе московской сцене, хотя бы в нашем Малом театре!

В тот же замечательный периферийный театр: лет-лет, да неслучливо, то здесь, то там, всплывают вдруг на сцене перед нами настоящие оловянки, и обдают подлинным актерским талантом, и дают нам почувствовать, что такое театр. Вспоминаю, как радостные эпизоды, увидевши много в последние годы актеров: молодого комика такого же плана, как Якушевский, Вячеслав (Саратов, Сталинград), или Крайнев, неистовые замечательные актрисы аграрную в Купске Мамзеву Николаеву, перед нами такой превосходный артист как Григорьев, о котором я пишу в настоящих заметках. Не переживая и не переводясь у нас хорошие актеры!

Спектакль классической «Последней жертвы» шел в 40-летний юбилей актера Любовым. В театре было по-прежнему торжественно, как полагается, были солдаты и приветствия от рабочих зрителей, от военных частей. Панельная московская делегация от Всероссийского театрального общества. Было оглашено постановление о присвоении юбилею имени заслуженного артиста републики. Как известно это на жизнь несчастной артист старое русское театре — неудачливой Федучки, сформированная театр которой где-то далеко пошла сценка и развивалась...

Д. ТАЛЬНИКОВ